

ВОСПОМИНАНІЯ ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО ЛИЦЕИСТА

1832—1838 гг.

Особенность стариковской памяти — воспроизводит до мельчайшихъ подробностей обстоятельства и обстановку давно-минувшаго времени, сколько-нибудь напечатлѣвшіяся въ умѣ и воображеніи.

Послѣ выпуска моего изъ лицея, 18 лѣтъ отъ роду, протекло полъ-вѣка и, однако, шесть лѣтъ, проведенныя въ Царскомъ Селѣ, представляются мнѣ до сихъ поръ съ такою живостью и ясностью, какъ будто я только что пережилъ ихъ свѣтлые и смутные дни, ихъ радости и тревоженія.

Мои воспоминанія небогаты замѣчательными фактами. Излагая ихъ, я хотѣлъ изобразить жизнь привилегированнаго, замкнутаго воспитательно-учебнаго заведенія 1830-хъ годовъ, очертить характеристику лицъ, которымъ было ввѣрено воспитаніе и обученіе юношества, дать понятіе о духѣ и направленіи тогдашней учащейся молодежи.

Въ какой степени эта молодежь оправдала возлагавшіяся на нее ожиданія и надежды—вопросъ нелегкій. Вѣдь не всегда и здоровое сѣмя приноситъ могучій плодъ: случается, что молодое растеніе, пересаженное на чуждую почву, окруженное неблагоприятными вѣяньями времени, глохнетъ, лишненное лучей того солнца, которое лелѣяло и оживотворяло его ранніе побѣги.

Ясно и благотворно сіяло намъ это солнце въ садахъ и стѣнахъ лицея. Пусть были мы идеалистами, но самая вѣра въ наши идеалы была уже счастіемъ, какового не найти теперь среди практической, рано начинающей жить молодежи.

Если многія темныя стороны нашей лицейской жизни не могли заглушить вынесеннаго изъ нея лучезарнаго впечатлѣнія, то было же въ ней что-нибудь особенное, было что-то, охватившее душу своимъ поэтически-сладостнымъ обаяніемъ и оставшееся въ благодарной памяти сердца навсегда.

I.

Въ началѣ августа 1832 г. двадцать пять воспитанниковъ 1-й с.-петербургской гимназіи (бывшаго благороднаго пансіона), въ наемныхъ каретахъ и въ сопровожденіи гувернера француза Менюе, были привезены въ Царское Село, для поступленія въ императорскій лицей казенно-коштными. Въ числѣ ихъ былъ и я. Мнѣ было 12 лѣтъ и меня приняли, по экзамену, въ первый, младшій, классъ младшаго курса.

1832 годъ былъ для лицея эпохою преобразованій, едва ли послужившихъ къ его улучшенію: общій голосъ лицейскихъ того времени называлъ годъ нашего поступленія началомъ желѣзнаго вѣка лицея.

Основанный 19-го октября 1811 года императоромъ Александромъ Благословеннымъ, предназначавшійся вначалѣ для воспитанія великихъ князей, помѣщенный въ дворцовомъ зданіи, сообщавшемся галлереею съ старымъ царскосельскимъ дворцомъ, императорскій лицей былъ, въ полномъ смыслѣ слова, привилегированнымъ заведеніемъ своеобразнаго типа.

Въ жизни воспитательнаго заведенія благородное прошлое, внушающее позднѣйшимъ поколѣвіямъ любовь и подражаніе — великое дѣло. Оно составляетъ его внутреннюю силу, служитъ залогомъ будущихъ его успѣховъ, гораздо болѣе, чѣмъ всѣ усилія и измышленія нашихъ патентованныхъ педагоговъ.

Первыя времена лицея были окружены блистательнымъ ореоломъ. Здѣсь жилъ и учился А. С. Пушкинъ—этого уже было довольно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ числѣ воспитанниковъ 1-го курса, были такія имена, какъ князь А. М. Горчаковъ, Дельвигъ, Илличевскій, баронъ М. А. Корфъ, генералъ Вальховскій, адмиралъ Матюшкинъ, К. К. Данзасъ—другъ и секундантъ Пушкина.

Память о директорѣ лицея, Энгельгардтѣ, чтлася въ лицей съ какимъ-то благоговѣніемъ: преданія о немъ были живы во все время, пока лицей оставался въ Царскомъ Селѣ. Не знаю, какъ теперь. Вообще преданія имѣютъ свойство оставаться вѣрными землѣ, на которой они возникли, и что тамъ ни говори, а я остаюсь при убѣжденіи, что съ перемѣщеніемъ лицея въ С.-Петербургъ онъ утратилъ для питомцевъ своихъ часть того обаянія, которое составляло его нравственную силу, такъ сказать, нервъ его дѣятельности.

Но и съ вѣшной стороны царскосельскій лицей не походилъ на другія учебно-воспитательныя заведенія. Комплеетъ его состоялъ всего изъ 50 воспитанниковъ, раздѣленныхъ на два курса; въ каждомъ курсѣ они оставались по три года. Помѣщеніе было свѣтлое, просторное, почти роскошное, и имѣло характеръ болѣе частнаго дома, чѣмъ казеннаго заведенія. У каждаго изъ воспитанниковъ старшаго курса была своя особая комната, классную мебель составляли столы-конторки. Сверхъ сада, прилегающаго къ лицейскому зданію, весь царскосельскій паркъ былъ доступенъ для лицейстовъ и вообще относительная свобода, допускавшаяся въ обыденной ихъ жизни, составляла особенность лицея, не вредившая нравственности его питомцевъ. Отпусками вѣ черту Царскаго Села они въ прежнее время не пользовались, но и эта замкнутость служила имъ въ пользу: удаленные отъ соблазновъ столичной жизни, прежніе лицейсты долѣ сохраняли простоту нравовъ и привычекъ, жили своею особою, семейною жизнью—и не такъ быстро, какъ живутъ теперешніе, петербургскіе. Въ средѣ ихъ выработались элементы прочнаго дружескаго единодушія, примѣрнаго товарищества, соединявшаго ихъ и послѣ выпуска, въ теченіе всей ихъ жизни, выработалась и любовь всѣхъ лицейскихъ къ лицейю и къ Царскому Селу, какъ къ родному мѣсту.

При поступленіи моемъ въ лицей, въ 1832 году, многое въ немъ измѣнилось. Еще гораздо ранѣе, именно съ 1825 года—времени подчиненія его военному начальству, онъ отчасти утратилъ свой первоначальный семейный характеръ (съ репутаціей либерализма, которая оставалась за нимъ еще очень долго). Теперь же, со стороны высшаго начальства, проявилась наклонность къ нивелированію его съ прочими учебными заведеніями.

Комплектъ воспитанниковъ былъ удвоенъ; вмѣсто двухъ курсовъ организованы 4 класса, изъ которыхъ два составили младшій и два—старшій курсъ. Отдѣльныя комнаты старшаго курса были уничтожены („Зачѣмъ эти стойла?“—выразилось о нихъ высшее начальство), спальни для всѣхъ устроены одинаково, по казенному образцу всѣхъ прочихъ заведеній. Затѣмъ два класса младшаго курса были помѣщены въ нижнемъ этажѣ, въ въ тѣсныхъ и невысокихъ комнатахъ, съ мебелью на подобіе гимназической и съ гораздо меньшими противъ прежняго удобствами. Курсъ ученія въ каждомъ классѣ долженъ былъ продолжаться 1½ года и выпускъ происходить уже не черезъ 3 года, какъ прежде, а также черезъ каждые полтора года.

О всѣхъ этихъ перемѣнахъ скорбѣли и старшіе, и мы, вновь поступившіе товарищи-гимназисты. Въ нашу среду вторгнулась дѣлая масса новичковъ своекоштныхъ, съ которыми мы сошлись не сразу, потому что они, поступивъ прямо изъ своихъ семействъ, принесли съ собою самыя разнохарактерныя понятія и привычки.

Тѣмъ не менѣе, первыя впечатлѣнія наши въ лицейѣ были самыя свѣтлыя. Новая жизнь казалась намъ привольною; мы съ жадностью слушали рассказы о бывшихъ лицейскихъ временахъ, о прежнихъ порядкахъ и обычаяхъ, которымъ мы, въ свою очередь, хотѣли слѣдовать неуклонно.

Послѣ пріемныхъ экзаменовъ до начала классныхъ занятій прошло около двухъ недѣль, въ продолженіе которыхъ, мы, предводимые гувернеромъ (какъ тогда называли воспитателей), осматривали великолѣпныя парки и дворцы Царскаго Села, предпринимали дальнія прогулки въ Павловскъ, Боболово и прочія окрестности. Все это было для насъ ново, назидательно и поддерживало въ насъ какое-то праздничное настроеніе духа. Собственный лицейскій садъ (его называли оградой) былъ довольно обширенъ и отгѣненъ старыми, широколѣвистыми деревьями. Въ немъ было намъ довольно дѣла. У каждаго класса былъ въ оградѣ свой садикъ-особнякъ, а старшій курсъ имѣлъ ихъ нѣсколько. Въ своемъ садикѣ мы сажали деревья, а весною—цвѣты; устраивали бесѣдки и дорожки, однимъ словомъ, были полными хозяевами и начальство въ наши распоряженія не вмѣшивалось. Въ передней части сада, подъ тѣнью старыхъ липъ, устроена была деревянная бесѣдка въ формѣ гриба, подъ навѣсомъ которой

обыкновенно засѣдали дежурные губернеры. Между этимъ грибокъ и длиннымъ 4-хъ-этажнымъ зданіемъ лицея была расположена широкая и во всю длину дома площадка, усыпанная пескомъ, на которой мы играли въ лапту, чехарду и бары. Сбоку, около досчатого забора, отдѣлявшаго нашъ садъ отъ двора приходской церкви, подъ густою тѣнью черемухи, лежала почернѣвшая отъ времени гранитная плита, съ вырѣзанною на ней надписью: *genio loci*. Мы думали сначала, что она положена здѣсь въ память Пушкина, но намъ объяснили потомъ, что надпись говоритъ о безыменномъ, таинственномъ гени мѣста, какъ бы незримо вѣющемъ надъ лицейской оградой и насъ охраняющемъ. Когда и къмъ была сдѣлана надпись и положена здѣсь эта плита—осталось невыясненнымъ, но ей придавалось значеніе, потому что при перемѣщеніи лицея въ С.-Петербургъ и она была перенесена въ садъ Александровскаго лицея.

Отношенія между старшимъ и младшимъ курсами были установлены искони, на основаніи преданій. Младшіе должны были оказывать вѣншіе знаки уваженія въ старшимъ: при встрѣчѣ въ оградѣ, снимать передъ ними фуражку, говорить съ ними не иначе, какъ стоя, и проч. Несоблюденіе этихъ формъ могло имѣть и имѣло не разъ слѣдствіемъ серьезныя неприятели. Далѣе, младшіе не имѣли права входить въ помѣщеніе старшихъ; не могли курить въ оградѣ, такъ какъ куреніе было вообще строго воспрещено, и старшій курсъ присвоилъ себѣ монополію тайнаго куренія, въ виду 'собственныхъ интересовъ. Почти каждый изъ старшихъ имѣлъ между младшими своего кліента, котораго навѣщалъ въ свободное время и которому поручалъ переписывать записки и лекціи профессоровъ, взамѣтъ чего передавалъ ему, по окончаніи курса, всѣ свои тетради. Такимъ образомъ рукописныя лекціи переходили изъ курса въ курсъ, пока не дѣлались окончательно ветхими и негодными къ употребленію.

Нерѣдко случалось, что посѣщали лицей бывшіе воспитанники прежнихъ курсовъ. Такое посѣщеніе составляло маленькое событіе въ нашей жизни. Обыкновенно, старшіе дѣлали съ гостемъ обходъ всего лицея, чтобъ показать ему новое размѣщеніе классовъ и новые порядки. Весь старшій курсъ слѣдовалъ за нимъ толпою, всегда шумною и веселою, придавая этому шествію

какую-то особую торжественность, какъ бы доказывавшую независимость свою отъ нашихъ дисциплинарныхъ порядковъ, такъ какъ обходъ этотъ случался иногда во время нашихъ вечернихъ занятій. Мы съ любопытствомъ разсматривали прїѣзжаго, всегда имѣвшаго въ нашихъ глазахъ особое обаяніе, какъ представитель лучшихъ временъ лица, которыя мы называли золотымъ вѣкомъ.

Между старшимъ и младшимъ курсами, при упомянутыхъ выше обоюдныхъ отношеніяхъ, ссоры были немислимы. Но не разъ случались частныя пререканія и общія ссоры между двумя классами того или другаго курса. Всякая обида, нанесенная товарищу воспитанникомъ другаго класса, считалась общою и близко принималась къ сердцу одноклассниками. Въ такихъ случаяхъ на сходѣ постановлялось: прекратить всякія сношенія съ классомъ, въ которомъ состоялъ обидчикъ, если послѣдній не принесетъ извиненій. Исключеніе допускалось только для родныхъ братьевъ. Такія ссоры продолжались иногда по нѣскольку мѣсяцевъ, особенно если предметомъ ихъ было нарушеніе принятыхъ обычаевъ или обоюдныхъ правъ цѣлымъ классомъ. Но такъ какъ всему бываетъ конецъ, то чрезъ нѣкоторое время начинались переговоры о мирѣ. Съ каждой стороны отражались три депутата-парламентера, которые сходились на нейтральной почвѣ—въ столовой или въ оградѣ—и произносили рѣчи. Почва для соглашенія подготавливалась предварительно и потому миръ заключался безъ особыхъ затрудненій, но иногда при этомъ ставились тѣ или другія обоюдныя условія, для предупрежденія недоразумѣній на будущее время. Если дѣло происходило въ субботу, то на другой день примирившіеся сходились въ кондитерской Друммеля и взаимно угощались, распивая бутылку хереса.

Если кто-либо заслуживалъ негодованіе своего класса какимъ нибудь неблаговиднымъ поступкомъ, роняющимъ достоинство и репутацію товарищей, его наказывали прекращеніемъ всякаго общенія, не говорили съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не раскаяется, не испроситъ прощенія. Вообще, поддержаніе во всѣхъ случаяхъ достоинства и чести лица считалось непремѣнною обязанностью каждаго.

Нашъ классъ, въ началѣ учебнаго курса, былъ довольно многочисленъ; большинство училось хорошо, но двѣнадцать

нашихъ товарищей, отчасти по малоспособности, отчасти по лѣности, были слабы по всѣмъ почти предметамъ. Они держались особой кучкой, попадавшей въ разныхъ шалостяхъ, а потому начальство, чтобъ разъединить ихъ, подчинило каждому особому надзору одного изъ добропорядочныхъ учениковъ. Такъ какъ я считался однимъ изъ таковыхъ, то и на мою долю досталось наблюдение за учениемъ и поведениемъ, во время классныхъ занятій, за однимъ изъ 12 апостоловъ, какъ мы въ шутку называли ихъ. Его посадили на классной скамьѣ рядомъ со мной; я былъ его репетиторомъ и менторомъ и хотя заботы мои о немъ были не совсѣмъ безуспѣшны, но полюбить его я не могъ. Это былъ Михаилъ Петрашевскій, стяжавшій себѣ впоследствии печальную извѣстность какъ глава революціоннаго общества его имени, сосланный и умершій, кажется, въ ссылкѣ. Впрочемъ, мое менторство продолжалось не долго: Петрашевскій, какъ и прочіе одиннадцатъ, не былъ переведенъ въ слѣдующій классъ и черезъ годъ или два былъ исключенъ, или взятъ изъ лицея отцомъ — не помню. Онъ не былъ симпатиченъ: не увлекался добрыми, веселыми порывами товарищей, онъ выкидывалъ иногда неожиданныя, эксцентрическія штуки, не вызывавшія ни въ комъ изъ насъ даже смѣха, не выказывалъ ни особенныхъ способностей, ни оригинальности ума. Въ головѣ его, уже въ ту пору, начинался какой-то сумбуръ и онъ часто поражалъ меня непослѣдовательностью, нелогичностью своихъ словъ и поступковъ. Держалъ онъ себя неряшливо и неопрятно, ни съ кѣмъ не дружился и вообще не былъ любимъ товарищами, находившими въ немъ мало порядочности. Впоследствии я встрѣчалъ его на улицѣ, въ Петербургѣ, въ какомъ-то невозможномъ, чуть не въ шутовскомъ костюмѣ, и, наконецъ, совершенно потерялъ его изъ виду.

По переходѣ во 2-й классъ число наше уменьшилось: 12 неуспѣшныхъ отпали и мы сплотились дружище, стали работать усерднѣе. Тутъ начали обозначаться наши наклонности: для нѣкоторыхъ это была эпоха первыхъ ребяческихъ кутежей, не всегда стоявшихъ съ рукъ благополучно, но большинство увлекалось уже чтениемъ, повзрѣю, литературою. Въ первые полтора года нашей жизни въ лицѣ чтеніе всякихъ постороннихъ ученику книгъ было запрещено. Излишняя строгость въ этотъ отношеніи

доходила до того, что мы, даже въ свободное время, при появле-
ніи гувернера, прятали подъ столъ романы В.-Скота въ пере-
водѣ Де-Шаплета. Помню, какъ однажды воспитанникъ стар-
шаго курса Александръ Озеровъ (впослѣдствіи русскій послан-
никъ въ Афинахъ) одолжилъ мнѣ, для прочтенія, «Руслана и
Людмилу» Пушкина и какъ гувернеръ конфисковалъ у меня эту
книгу, почитая ее вредною, чѣмъ поставилъ меня, въ отношеніи
къ Озерову, въ неловкое положеніе. Насилу удалось мнѣ выру-
чить злополучную поѣму чрезъ полгода.

Теперь, во 2-мъ классѣ, допущено было чтеніе, но каждая
книга должна была проходить чрезъ цензуру инспектора. Это
было время появленія драмъ и драматическихъ фантазій Нестора
Кукольника: мы восхищались его Торквато-Тассомъ, Роксола-
ной, Джабобо-Санназаромъ и проч.; въ нашихъ глазахъ онъ
былъ поэтомъ первой величины, мало чѣмъ уступавшій Пуш-
кину. Затѣмъ появились стихотворенія Николая Языкова, кото-
рыя мы знали наизусть отъ доски до доски; зачитывались мы
также сказками казака Луганскаго, повѣстями англійскаго юмо-
риста Маріета, и проч. Въ это же время въ русской литера-
турѣ произошло замѣчательное событіе: появилась первая тол-
стая книжка журнала «Библиотеки для Чтенія». Намъ разрѣ-
шили абонироваться, но каждая книжка доходила до насъ не
иначе, какъ чрезъ руки учителя русскаго языка, Олега
Васильевича Гроздова. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали мы
каждый мѣсяцъ этихъ зеленыхъ книжекъ, съ какою жадностью
накидывались на нихъ и поглощали ихъ всецѣло! Въ первомъ же
№ былъ помѣщенъ «Гусарь» Пушкина и затѣмъ печатались
другія его стихотворенія; на первомъ планѣ выступилъ также
самъ издатель Сенковскій, подъ псевдонимомъ барона Брамбеуса,
съ своею повѣстью: «Жизнь женщины въ нѣсколькихъ часахъ»
и другими. Мы съ вниманіемъ читали и ученныя его статьи,
напримѣръ, Эймундовы саги. Оаддей Булгаринъ также уча-
ствовалъ въ журналѣ, но и тогда уже читался нами не охотно.

По примѣру прежнихъ курсовъ, мы задумали издавать свой
литературный журналъ, для домашняго обихода. Первый ученикъ
нашего класса К. С. Веселовскій (нынѣ непремѣнный секретарь
академіи наукъ) взялся быть его редакторомъ и переписчикомъ,
а я былъ его сотрудникомъ. Журналъ нашъ «Денница» выхо-

дѣлъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, въ видѣ толстыхъ тетрадей, писанныхъ мелко и красиво, на отличной бѣлой бумагѣ, съ виньетками, исполненными перомъ, очень изящно, самимъ редакторомъ. Помѣщались въ немъ наши стихи, повѣсти оригинальныя и переводныя, критическія статьи, наша лицейская хроника и смѣшныя анекдоты, для разнообразія. Однимъ изъ ревностныхъ участниковъ въ журналъ былъ А. И. Трофимовъ (впослѣдствіи известный въ С.-Петербургѣ мировой судья). Содержаніе журнала было, конечно, дѣтское, иногда наивное, но кое-гдѣ проглядывалъ и талантъ. Изданіе это, на которомъ мы пробовали наши врылья и въ которомъ не было ничего предосудительнаго или неприличнаго, не могло быть, однако, гласнымъ: начальство строго преслѣдовало всякія литературныя упражненія въ младшемъ курсѣ. Уже подъ конецъ года, когда всѣ 12 номеровъ «Денницы» были подшиты вмѣстѣ и составили довольно толстый томъ, инспекторъ, Андрей Филипповичъ Оболенскій, провѣдалъ о его существованіи, накрылъ кого-то изъ насъ во время чтенія и безжалостно конфисковалъ нашъ журналъ. Это событіе произвело между нами страшный переполохъ; рѣшено было, во что-бы ни стало — правдами или неправдами — добыть обратно нашу «Денницу». Оболенскій имѣлъ неосторожность не спрятать ее подъ замокъ. Воспользовавшись минутою отсутствія его изъ инспекторской комнаты, мы сочли себя въ правѣ взять съ его стола нашу собственность и съ торжествомъ принесли ее въ классъ. Съ тѣхъ поръ наша «Денница» хранилась въ надежномъ мѣстѣ и всѣ попытки инспектора отыскать ее остались напрасными. Она и до сихъ поръ хранится у меня.

Каникулы наши были гораздо короче нынѣшнихъ: съ половины іюня до начала августа. Августъ былъ для насъ самымъ веселымъ мѣсяцемъ къ году: возвращаясь въ лицей изъ отпуска, товарищи встрѣчались другъ съ другомъ, какъ братья, рассказывая о своихъ каникулярныхъ впечатлѣніяхъ. Классныя занятія начинались не вдругъ и мы пока были цѣлые дни на воздухѣ, а конецъ лѣта въ 1834 году былъ особенно тепелъ и пріятенъ. Царское Село оживлялось присутствіемъ двора и маневрами гвардейскаго корпуса, производившимися въ окрестностяхъ. Къ намъ въ ограду часто приходили, для свиданія съ воспитанниками старшаго курса, молодые лейбъ-гусарскіе офицеры и

вносили разнообразіе въ нашу замкнутую жизнь. Между ними былъ и пожилой ротмистръ Ф. В. Ильинъ, приходившій почти каждый день, — некрасивый и простой добрый малый стараго закала, про котораго—можетъ быть для рюмы—говорили, что онъ—мизогинъ.

Государь Императоръ Николай Павловичъ никогда къ намъ не заглядывалъ. Онъ не долюбивалъ лица, подозрѣвая въ немъ вольнодумство и помня, можетъ быть, одного изъ прежнихъ питомцевъ его—Кюхельбекера...

Однажды только, въ прекрасный лѣтній вечеръ, по окончаніи маневровъ, проѣзжая верхомъ мимо нашей ограды, шагомъ и во главѣ многочисленной свиты, усталый и запыленный, государь, не останавливаясь, спросилъ, шутя, у толпившихся около желѣзной рѣшетки старшихъ воспитанниковъ: *Quomodo vales?* Ему хоромъ отвѣчали: *Valde bene!* Затѣмъ еще спросилъ: *Quos editis?* и опять хоромъ ему отвѣчали: *Supum et cagnum!*

Великій князь Михаилъ Павловичъ, подъ главнымъ начальствомъ котораго мы состояли (потому, развѣ, что въ прежнія времена изъ лица выпускали также и въ военную службу), навѣщалъ насъ изрѣдка и мы страшно боялись этого, въ сущности, добраго человѣка — такъ умѣлъ онъ принимать на себя грозный видъ.

Но пора же сказать что-нибудь о нашихъ непосредственныхъ начальникахъ.... а чуть не прибавилъ слова: педагогахъ. но это слово рѣшительно къ нимъ не подходило, развѣ за немногими исключеніями. Директоръ лица, генераль-лейтенантъ Федоръ Григорьевичъ Гольдгоеръ, былъ назначенъ на это мѣсто, кажется, съ главною цѣлію — возстановленія строгой военной дисциплины. Онъ далеко не отвѣчалъ нашему представленію объ идеальномъ начальникѣ, какимъ былъ, по преданію, незабвенный Энгельгардтъ. Мы мало знали его: всегда холодный и строгій, онъ нисколько не сближался съ воспитанниками, даже старшаго курса, которые, какъ и мы, не питали къ нему особаго расположенія, а только боялись его и, подъ часъ, подсмѣивались надъ его не совсѣмъ чистымъ русскимъ выговоромъ и незнакомствомъ съ проходящимъ въ лицей курсомъ наукъ. Генераль былъ силенъ только въ ариметикѣ, но этого намъ казалось мало....

Инспекторъ, Андрей Филиповичъ Оболенскій, былъ рѣшительно не любъ всему составу воспитанниковъ. Это былъ безспорно умный и знающій человекъ, но въ характерѣ его не было ни прямоты, которая такъ приковываетъ къ себѣ молодежь, ни добродушія, ни благороднаго образа дѣйствій. Постоянно подозрѣвали его въ какихъ-то тайныхъ возняхъ, въ безсердечіи. Я и теперь убѣжденъ, что здраво-педагогическихъ приемовъ, умѣнья вести дѣло нашего воспитанія въ немъ не было.

Изъ гувернеровъ младшаго курса также не было выдающихся педагоговъ; иностранцы и молодые люди, не получившіе никакой подготовки въ важной должности воспитателя, они не могли помогать намъ и въ классныхъ нашихъ занятіяхъ. Почтенный Цетреусъ, человекъ уже пожилой, былъ глубокоуважаемъ и любимъ всѣми, но онъ пробылъ съ нами недолго: его нашли слабымъ и удалили. Но самую крупною личностью былъ гувернеръ 1-го младшаго класса, старикъ Фотій Петровичъ Калининъ, поступившій въ эту должность съ самаго основанія лицея, въ 1811 году. Мы имѣли съ нимъ дѣло только какъ съ учителемъ чистописанія и ему обязано большинство изъ насъ хорошимъ почеркомъ, но значеніе его въ общемъ строѣ лицея было велико. Это былъ человекъ стараго закала, съ весьма недостаточнымъ образованіемъ, простой и добродушный; но вслѣдствіе долготѣннаго общенія съ молодежью у него выработалась своеобразная педагогическая рутина; въ немъ, казалось, хранился складъ гувернерскихъ принциповъ всего прошлаго времени. Въ хорошія минуты онъ былъ патріархально ласковъ и шутливъ, особенно съ своими любимцами — лучшими учениками — которыхъ называлъ: буянами и пичужками. Прежде, когда онъ дежурилъ въ старшемъ курсѣ, съ нимъ бывали исторіи, но въ этихъ случаяхъ онъ не терялъ ни присутствія духа, ни своего достоинства: становился въ рѣшительную величественную позу и энергически усмиралъ недовольныхъ.

Съ переходомъ нашимъ, въ августѣ 1835 года, въ 3-й, т. е. въ младшій классъ старшаго курса, насъ перемѣстили во второй этажъ, въ свѣтлыя и просторныя комнаты, но тутъ мы попали въ ежовыя лапы Алексѣя Ивановича Коха. Это былъ человекъ лѣтъ сорока, съ холодно-злою, отталкивающей фizioномією, съ лысиною во всю голову, капризный и взбалмошный.

Мы наслѣдовали отъ прежнихъ курсовъ нелюбовь къ нему, граничившую съ ненавистью. Много рассказывали о его эксцентрическихъ выходкахъ, какъ, на примѣръ, однажды, когда выведенные имъ изъ терпѣнія воспитанники хотѣли уйти отъ него въ ограду, а онъ легъ поперекъ двери и закричалъ: „идите черезъ меня!“

Не долго думая, всѣ, одинъ за другимъ, стали прыгать черезъ него и эффектный маневръ не удался.

Впрочемъ, у насъ не было съ нимъ крупныхъ исторій, но мы постоянно чувствовали себя подъ гнетомъ этой несимпатичной личности и держали себя съ нимъ на непріязненной ногѣ. Онъ не разъ жаловался на насъ инспектору, который своимъ флегматическимъ голосомъ обращался къ намъ съ увѣщательно-угрожающими рѣчами, но пользы отъ нихъ было мало.

Въ 3-мъ классѣ мы начали изучать законовѣдніе: исторію римскаго и затѣмъ исторію русскаго права. Профессоръ этого предмета, баронъ Егоръ Васильевичъ Врангель, былъ типомъ пожилаго, сухопараго нѣмца, къ которому можно было примѣнить поговорку: мягко стелеть, да жестко спать. Онъ чуть не наизусть зналъ пандекты Юстиціана, но плохо говорилъ по русски, преподавалъ вяло и сухо. Казалось иногда, будто его одолеваетъ дремота на срединѣ фразы — такъ затруднялся онъ передачей своихъ знаній по русски. Мы едва удерживались отъ смѣха, слыша какъ, на примѣръ, говоря о какомъ-то полудивомъ народѣ, онъ ломанымъ языкомъ произносилъ: „Они одѣвались вождю и питались мясою“ и проч.

Чтенія наши стали теперь серьезнѣе; намъ уже выдавали книги изъ казенной лицейской библіотеки, преимущественно историческія; но нельзя умолчать, что библіотека эта пополнялась очень недостаточно и выборъ чтенія былъ въ ней не великъ. Помимо нея, по части беллетристики, мы доставали почти все, что было въ то время выдающагося въ русской литературѣ. Меня особенно занимало чтеніе въ подлинникѣ молодыхъ нѣмецкихъ поэтовъ: Кернера, Уланда, Маттисона, Рюккерта, не говоря уже о Шиллерѣ и Гёте. Съ любовію принялся я переводить стихами послѣднюю сцену, въ тюрьмѣ, изъ 1-й части Фауста, но изданіемъ журнала мы уже не занимались: у насъ было слишкомъ много дѣла.

Въ концѣ 1836 года осуществились, наконецъ, наши давнишнія мечты: мы водворились въ широкомъ и роскошномъ помѣщеніи 3-го этажа, сдѣлались старшими! Переходъ въ 4-й выпускной классъ былъ эпохой въ нашей лицейской жизни. Въ глазахъ остальныхъ классовъ мы были уже студентами и вступили во всѣ права, принадлежавшія намъ въ силу преданій, а чрезъ полгода произошло новое важное для насъ событіе: намъ дали шпаги! Живо помню, съ какимъ ребяческимъ восторгомъ мы въ первый разъ прицѣпили эти, почти игрушечныя, шпаженки. Мы воображали себя не только студентами, но чуть не рыцарями. По этому случаю меня повезли въ Петербургъ на повазъ великому князю Михаилу Павловичу. Великій князь, поглядѣвъ на меня и на мое оружіе, улыбнулся — тѣмъ представленіе и кончилось.

Научныя занятія наши имѣли вообще характеръ энциклопедическій: насъ хотѣли научить всему, но такъ какъ времени на это было мало, то, въ сожалѣнію, приходилось хватать верхки, въ ущербъ основательности знанія. Естественныя науки (кромѣ физики и химіи) вполнѣ игнорировались въ лицей, но и безъ нихъ было 18 предметовъ преподаванія. Исторія всеобщая преподавалась крайне неудовлетворительно. Профессоръ Иванъ Кузьмичъ Кайдановъ въ ту пору былъ уже старикомъ и жилъ своей старой репутаціей. Ученикъ Герена, онъ издалъ свой учебникъ, теперь давно забытый, при составленіи котораго широко пользовался исторіею Ансильона, и ограничивался чтеніемъ своей книжки, вставляя иногда свои краткія объясненія. Все это выходило сухо и скучно, вслѣдствіе чего мы занимались этимъ предметомъ вяло и неохотно. Весь курсъ всеобщей исторіи оканчивался у насъ воцареніемъ Людовика XVI; о первой французской революціи мы отъ Кайданова не слышали ни единого слова!

За то профессоръ русской исторіи Иванъ Петровичъ Шульгинъ заставлялъ насъ работать съ особеннымъ рвеніемъ. Его вѣсское, дѣльное изложеніе событій, умѣніе картинно группировать ихъ были уже знакомы намъ съ того времени, когда онъ, преподавая намъ еще въ 3-мъ классѣ географію Россіи, увлекательно излагалъ исторію каждой губерніи отдѣльно. Теперь мы сами составляли лекціи, записывая ихъ съ его словъ и ловя слова его на лету, такъ какъ онъ говорилъ скоро, не останавливаясь. Любимымъ нашимъ предметомъ была политическая

экономія, благодаря таланту и увлекательной рѣчи преподававшего ее молодого профессора Игнатія Акинфіевича Ивановскаго. Онъ приходилъ къ намъ съ пустыми руками, но съ богатымъ запасомъ знанія и энергіи; начиналъ обмененно тихимъ голосомъ, но съ каждымъ словомъ воодушевлялся все болѣе и болѣе, вскакивалъ съ кафедръ, рассказывалъ по аудиторіи или подходилъ въ упоръ къ нашимъ конторкамъ и какъ будто исключительно обращался то къ одному, то къ другому изъ насъ. Все въ немъ увлекало насъ, возбуждало наше вниманіе и живая пылая рѣчь, и интересъ содержанія лекціи, и даже оригинальныя модуляціи его голоса. Намъ нравились даже ошибки противъ русскаго языка — полонизмы, иногда портившіе его изложеніе. Онъ былъ изъ числа тѣхъ профессоровъ, которые пріѣзжали къ намъ каждую недѣлю изъ Петербурга, на два или на три дня, и останавливались въ одномъ изъ флигелей лицея. Нерѣдко, послѣ обѣда, мы толпой врывались въ его помѣщеніе, чему онъ бывалъ всегда очень доволенъ, и тутъ начинались у насъ оживленныя бесѣды, отчасти научныя, а иногда и касавшіяся тревоженій моря житейскаго, но во всякомъ случаѣ поучительныя.

Профессоръ русской словесности, Петръ Егоровичъ Георгіевскій, былъ оригиналъ, какихъ мало, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, превосходный, правдивый и благородный человекъ, за что мы искренно любили и уважали его, и, однако, уважать его, какъ профессора... не могли! Пропитанный до мозга костей семинарскою схоластикою, классикъ старыхъ временъ, онъ могъ понимать только Ломоносова, Хераскова, Сумарокова, Державина; далѣе онъ не шелъ. Пушкинъ былъ въ его глазахъ шалуномъ-романтикомъ, о Гоголѣ онъ не имѣлъ никакого понятія, хотя первыя повѣсти творца „Мертвыхъ Душъ“ появились уже въ печати. Его напечатанный уже тогда „Курсъ російской словесности не могъ, конечно, удовлетворять насъ и возбуждалъ то улыбку, то досаду. Задавая намъ сочиненіе, онъ требовалъ, чтобы мы излагали его не иначе, какъ въ формѣ хріа; если большая или малая посылка были недостаточно ясно отгѣнены и раздѣльны, работа считалась неудачною.

Петръ Егоровичъ носилъ странную прическу: какой-то квадратный парикъ—и имѣлъ привычку прищипривать себя локтями, приговаривая при этомъ: ну-тестъ. По росписанію часовъ, за его

утреннею лекціею слѣдовала лекція французской литературы, которую преподавалъ профессоръ Жилле. Мы подмѣтили, что каждый годъ позднею осенью, когда выпадалъ первый снѣгъ, Георгіевскій, выходя изъ класса, встрѣчался въ большой актовой залѣ съ М-г Gillé, который, подавая ему при встрѣчѣ руку и торопясь въ аудиторію, говорилъ: „Bonjour, M-г Georgievsky-Zimà!“ На это добрѣйшій Петръ Егоровичъ, улыбаясь и прищипывая себя локтями, неизмѣнно отвѣчалъ: Иверъ! Иверъ! и затѣмъ они расходились.

М-г Gillé былъ старикъ немного сгорбленный, съ тонкими чертами лица, въ родѣ Вольтера, строгій классикъ, изъ эмигрантовъ, говорившій безукоризненно академическимъ языкомъ, игнорировавшій В. Гюго и вообще всѣхъ писателей романтической школы. Нельзя сказать, чтобы онъ сумѣлъ внушить намъ любовь къ псевдо-классической французской литературѣ. Мы, помимо его, усердно знакомились съ новѣйшими французскими писателями, какъ-то: Бальзакомъ, Е. Сю, Альфредомъ де Виньи, В. Гюго и проч. Онъ въ насъ не оставилъ по себѣ особенно яркихъ воспоминаній; за то профессоръ нѣмецкой литературы Олива никогда не изгладится изъ благодарной моей памяти. Это былъ тоже старикъ, но юный сердцемъ энтузіастъ-идеалистъ, съ горячей душой и недюжиннымъ умомъ. Своимъ пламеннымъ, воодушевленнымъ словомъ онъ приводилъ насъ въ поэтическое настроеніе. Благодаря ему, я ближе познакомился съ Шиллеромъ, Гете и Лессингомъ и по его совѣту началъ свой переводъ Эмили Галотти Лессинга (оконченный, изданный и поставленный на сцену лѣтъ сорокъ послѣ выпуска моего изъ лицея). Прошлое Оливы — одинокаго и обезображеннаго болѣзнію — было таинственно и загадочно. Ходили о немъ и неблагопріятные слухи, но намъ до нихъ не было никакого дѣла: онъ увлекалъ насъ поэтическою стремительностію своей натуры и самъ увлекался вмѣстѣ съ нами, весь свой вѣкъ оставаясь младенцемъ въ практической жизни.

Жизнь наша въ старшемъ курсѣ оставила въ насъ неизгладимые слѣды: здѣсь выработывались наши наклонности и характеры, опредѣлялось направленіе, выяснялись идеалы и тѣ принципы, которымъ слѣдовать мы считали своимъ долгомъ, чтобы поддержать честь лицея... и опять-таки скажу: основаніемъ

всему хорошему въ насъ служили лицейскія преданія. При этомъ я долженъ, однако, оговориться: много было темныхъ сторонъ и въ насъ самихъ и въ нашей обстановкѣ, но, какъ сказалъ Пушкинъ—«что прошло, то будетъ мило!», все дурное болѣе или менѣе изгладилось изъ моей памяти; осталось одно только свѣтлое, поэтическое воспоминаніе о годахъ моей лицейской затворнической жизни...

Мы жили вообще дружно; корпоративный духъ развился въ насъ особенно въ послѣдніе года пребыванія нашего въ лицѣ. Жить намъ было удобно: большая актовая зала съ колоннами была нашей рекреационною залю; окнами она выходила въ садъ съ одной стороны и на улицу съ другой. Изъ нея прямо былъ входъ въ двѣ отдѣльныя большія камеры для занятій, въ которыхъ у каждаго изъ насъ была отдѣльная конторка. Черезъ лѣвую камеру входили въ аудиторію—также очень большую свѣтлую комнату, съ окнами на обѣ стороны, какъ и зала. Далѣе слѣдовали физическій кабинетъ и химическая лабораторія. Изъ большой актовой залы вела дверь въ бібліотеку—длинную, теплую галлерею, перекинутую черезъ улицу и служившую сообщеніемъ между зданіемъ лица и старымъ царскосельскимъ дворцомъ. Черезъ эту бібліотеку мы по воскресеньямъ проходили въ дворцовую церковь, въ которой, въ августъ и сентябръ, присутствовала при литургіи вся царская фамилія и пѣли придворные пѣвчіе.

Въ нашемъ IX выпускѣ было всего 18 человекъ. При воспоминаніи о моихъ лицейскихъ товарищахъ, мнѣ всегда приходитъ въ голову двустипіе Пушкина:

Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далеко,
Какъ Саади вѣкогда сказалъ....

Дѣйствительно, многихъ изъ нихъ уже нѣтъ на свѣтѣ, другихъ я давно потерялъ изъ виду. На виду всѣхъ стоятъ только двое: Константинъ Степановичъ Веселовскій—непременный секретарь Академіи Наукъ и Николай Карловичъ Гирсъ—министръ иностранныхъ дѣлъ. Изъ послѣдующихъ выпусковъ, одновременно со мною, жили въ стѣнахъ лица многіе выдающіеся дѣятели и государственные люди: X выпуска—Александръ Васильевичъ Головинъ и баронъ Александръ Павловичъ Николаи—бывшіе министры народнаго просвѣщенія, и

Михаилъ Христофоровичъ Рейтернъ — бывший министръ финансовъ; XI выпуска — литераторъ Владиміръ Рафаиловичъ Зотовъ и поэтъ Левъ Александровичъ Мей; XII выпуска — графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой — нынѣшній министръ внутреннихъ дѣлъ.

Нашъ знаменитый сатирикъ Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ поступилъ въ лицей предъ самымъ моимъ выпускомъ.

Въ старшемъ курсѣ мы сблизились съ непосредственными нашими руководителями-гувернерами. Старѣйшій и почтеннѣйшій изъ нихъ былъ Сергѣй Гавриловичъ Чириковъ, состоявшій въ этомъ званіи съ самаго основанія лицея и воспитывавшій Пушкина. Это былъ благороднѣйшій и добрѣйшій человекъ, обладавшій замѣчательнымъ тактомъ, вслѣдствіе чего, не смотря на его стойкость, въ отношеніи между нами не проскользало ни одно недоразумѣніе, не спускалось ни одно темное облачко. Онъ былъ живою хроникою минувшаго лицея и мы осаждали его любопытными разспросами про старину. Прежніе курсы называли его почему-то героемъ сѣвера и писали къ нему посланія въ стихахъ и прозѣ. Онъ съ добродушною снисходительностью отзывался о шаловливыхъ выходкахъ Пушкина, о его сарказмахъ и эпиграмахъ. Не помню, онъ или другой кто разсказывалъ нынѣ общезвѣстный анекдотъ, что однажды профессоръ Кошанскій задалъ нѣкоторымъ изъ своихъ учениковъ 1-го курса написать стихи на закатъ солнца. (Эти стихотворные опыты обыкновенно прочитывались въ классѣ). Кто-то началъ свое стихотвореніе слѣдующимъ образомъ:

Возсталъ на западѣ блестящій сынъ природы....

Пушкинъ тотчасъ же вскочилъ съ своего мѣста и продолжалъ:

Не знаютъ: спать иль встать сматенные народы.

Затѣмъ — взрывъ смѣха всего класса и самого профессора.

Два другіе наши гувернера представляли собою противоположные типы. Павелъ Петровичъ Гельмерсенъ — высокій, красивый остзеецъ, съ совершенно лысой головой, краснѣвшей, какъ и лицо его, при каждомъ нескромномъ словѣ, отличался сдержанностью и важнымъ видомъ. Такъ какъ онъ постоянно носилъ новый синій вицъ-мундиръ, то мы дали ему кличку: синій домъ

съ красной крышей, но, впрочемъ, всегда уважали и цѣнили его за постоянно ровное, благородное къ намъ отношеніе. Намъ нравился въ немъ типъ вполне порядочнаго человѣка.

Австрійскій подданный Иванъ Егоровичъ Мартини былъ человѣкъ совершенно иного закала. Чрезвычайно начитанный, много видѣвшій въ жизни, серьезный и образованный, онъ приносилъ намъ большую пользу своею поучительной и разнообразной бесѣдой. На лицѣ его южно-темнаго цвѣта, всегда неизмѣнно-спокойномъ, сквозила неувидимая тѣнь постоянной грусти, о причинахъ которой мы фантазировали, каждый на свой ладъ, объясняя ее разными романтическими исторіями. Нѣкоторые подозрѣвали его въ хитрости, двуличіи, даже въ шпионствѣ, подъ маскою безукоризненно-любезнаго съ нами обращенія. Я знаю только, что зла онъ намъ никакого не сдѣлалъ.

Гигіеническія условія царскосельскаго лицея были такъ благоприятны, благодаря здоровой мѣстности, что врачу не было у насъ особенно много дѣла. О заразныхъ эпидемическихъ болѣзняхъ (кромя кори) не было и помину; тяжелыя формы горячки (названія тифъ еще не существовало) встрѣчались очень рѣдко; о болѣзняхъ сердца мы никогда не слышали. Большею частію, все ограничивалось легкими простудными недугами, да простымъ расстройствомъ желудка.

Нашъ докторъ—Францъ Осиповичъ Пешель,—высокій, полный, среднихъ лѣтъ мужчина—былъ большой весельчакъ, говорунъ и притомъ—философъ. Любимая поговорка его была: *nil admirari!* Опредѣлая у больнаго *febris gastrica*, онъ обыкновенно совѣтовалъ быть умѣреннымъ въ пищѣ, приговаривая: *non qualitas, sed quantitas!*

Не знаю, искусству его или удачѣ, или, скорѣе, здоровому воздуху Царскаго Села, которымъ мы дышали въ окружающихъ насъ садахъ, слѣдуетъ приписать то, что въ продолженіе 6-ти-лѣтняго моего пребыванія въ лицѣ изъ всего состава его воспитанниковъ выбылъ за смертію только одинъ.

Зима 1837 года была горестно-памятною для царскосельскаго лицея, какъ и для всей Россіи: 29-го января не стало Пушкина!

Для меня, помнящаго этотъ роковой день, впечатлѣніе великой утраты и теперь также сильно и живо, какъ и въ первую минуту.

Железныхъ дорогъ тогда еще не было; вѣсти изъ Петербурга, особенно къ намъ, въ замѣнутое заведеніе, доходили медленно. Мы ничего еще не знали о дуэли Пушкина, какъ вдругъ—30-го января—пришла къ намъ громовая вѣсть о его кончинѣ!

Живо помню то пылкое, сильное горе, тотъ взрывъ негодованія противъ Дантеса, которые овладѣли нами, восторженными почитателями поэта, роднаго намъ по лицу; мы считали его своимъ; намъ казалось, что лучи его славы отражаются и на насъ, отдаленныхъ потомкахъ его!

Всѣ будничные интересы нашей мирной жизни были забыты, обычныя занятія и игры прерваны, неизмѣнный порядокъ дня нарушенъ.... и не одинъ, а нѣсколько дней сряду профессора не могли съ нами справиться.

Мы не могли освоиться съ мыслию, что Пушкина нѣтъ въ живыхъ....

Мы просились въ Петербургъ на похороны—намъ отказали наотрѣзъ. Начальство боялось даже ходатайствовать за насъ предъ великимъ княземъ — и не даромъ: стихи Лермонтова на смерть поэта мы уже знали наизусть; при нашемъ возбужденномъ состояніи мы способны были, пожалуй, на уличную манифестацію.

Черезъ нѣсколько дней пришло извѣстіе, что тѣло Пушкина, въ сопровожденіи А. И. Тургенева и другихъ, промчалось на почтовыхъ, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью, по старой, ухабистой большой дорогѣ, по направленію къ селу Михайловскому, Псковской губерніи, какъ будто при малѣйшей остановкѣ могла произойти какая-то опасность для государственнаго спокойствія ¹⁾!

Мирно доживали мы послѣдній годъ нашей лицейской жизни. Время кутежей миновало, да и не до того намъ было теперь: намъ предстояли весною послѣдніе, публичные экзамены, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе вопроса о нашей будущности.

¹⁾ Въ 1880 году не только представители всей грамотной Россіи, но и массы крестьянскаго населенія собрались въ Москву на открытіе памятника Пушкину. Пишущій эти строки былъ депутатомъ отъ гг. дворянъ Псковской губерніи и свидѣтелемъ небывалаго еще въ Россіи торжества чествованія памяти великаго русскаго поэта. А. Я.

Въ свободное отъ занятій время мы все ближе сходились въ дружескихъ бесѣдахъ, мечтали о предстоящей свободѣ.... жизнь вдаль представлялась намъ такою радужною и безконечною!

У насъ были свои курсовыя пѣсни и хоръ нашъ шелъ довольно согласно; подъ конецъ только достали мы положенную на голоса прощальную лицейскую пѣснь Дельвига и стали пѣть предъ выпускомъ:

Шесть лѣтъ промчались, какъ мечтанье,
Въ объятыхъ сладкой тишины,
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: шествуйте, сыны!

Заключительный куплетъ пѣсни:

Простимся, братья, руку въ руку!
Обвинемся въ послѣдній разъ!
Судьба на вѣчную разлуку,
Быть можетъ, породила насъ....

вызывалъ тяжелое чувство: мы покидали тихое, безмятежное счастье, какового, конечно, не встрѣчали болѣе въ жизни....

Весной 1838 года, предъ нашимъ выпускнымъ экзаменомъ, назначены были испытанія для вновь поступавшихъ. Конкурсъ въ то время былъ не особенно великъ, однако, ежедневно собиралось у насъ много мальчугановъ въ курточкахъ и гимназическихъ мундирахъ, съ ихъ родителями, родственниками и гувернерами. Вся эта публика наполняла, по утрамъ, нашу актовую залу и иѣшала намъ заниматься. Мы уходили кто въ садъ, кто въ спальни, кто въ аудиторію. Такъ продолжалось уже нѣсколько дней, какъ вдругъ—точно громъ изъ яснаго неба—неожиданно стряслась надъ нами бѣда....

Намъ, какъ стоявшимъ подъ высшимъ военнымъ начальствомъ, строго на-строго было запрещено носить длинные волосы. Одинъ изъ моихъ товарищей, де-Бриньи, красивый юноша, живой и юркій, отращивалъ себѣ волосы къ выпускку, думая, что на такую мелочь не будетъ обращено вниманія. Вышло не такъ: инспекторъ замѣтилъ, распекъ его и засадилъ въ карцеръ.

Въ курсѣ поднялась буря. Какъ! Наканунѣ выпуска! Въ карцеръ, какъ школьника! Нѣтъ, это слишкомъ! Броженіе, негодованіе перешли въ шумъ, въ гвалтъ. Мы не помнили себя: наша зала полна постороннихъ, а мы бушумъ въ сосѣднихъ комнатахъ, требуемъ, чтобы товарища выпустили изъ-подъ ареста.

Инспекторъ, оставаясь въ сторонѣ, выпустилъ, для усмиренія насъ, самого генерала. Мы стояли предъ нимъ, на площадѣ, предъ лѣстницей, плотной кучкой, и громко, хоромъ, повторяли свое требованіе, не обращая вниманіе на его угрозы и приказаніе замолчать и разойтись. Какъ обыкновенно бываетъ, нѣкоторые выступили впередъ и кричали больше другихъ, обвиняя инспектора и не щадя самого генерала, который, видя, что съ нами не сладить, принужденъ былъ удалиться.

Это отступленіе еще болѣе подняло нашу энергію и сцена вышла очень серьезная. Вслѣдъ затѣмъ мы бросились въ карцеру, ключъ отъ него отняли у служителя и выпустили Де-Бриньи на свободу.

Въ то-же утро директоръ отправился въ Петербургъ, чтобы донести великому князю Михаилу Павловичу о происшествіи. Отрезвившись отъ первой вспышки, мы ясно увидѣли все значеніе и предвидѣли послѣдствія того, что надѣлали; но упадка духа между нами не было: мы были убѣждены, что не могли поступить иначе, и готовились на все худшее. Многіе написали роднымъ въ Петербургъ; между прочими, товарищъ нашъ Юлій Константиновичъ Арсеневъ написалъ отцу, бывшему тогда преподавателемъ исторіи наследника цесаревича.

Такъ прошло два дня въ мучительномъ ожиданіи. На третій день бывшіе въ саду прибѣжали съ извѣстіемъ: Ростовцевъ пріѣхалъ!

Насъ собрали, подъ вечеръ, въ актовую залу и поставили въ шеренгу. Начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній, полковникъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, и нашъ генералъ вошли вмѣстѣ. Мрачное выраженіе лицъ обоихъ не предвѣщало ничего добраго.

Высказавъ намъ нашу тяжкую вину, „Господа!—продолжалъ Ростовцевъ,—съ болящимъ сердцемъ я долженъ вамъ объявить рѣшеніе его высочества: не допуская васъ къ экзамену, троихъ изъ васъ: Леонида Воейкова, Бориса Иксуля и Александра Трофимова опредѣлить въ военную службу рядовыми; остальныхъ выпустить въ гражданскую службу безъ чина, съ званіемъ канцелярскихъ служителей, кромѣ г. Де-Бриньи, котораго, какъ не участвовавшаго въ смутѣ, допустить къ выпускному экзамену

и затѣмъ предоставить ему право на тотъ чинъ, котораго онъ заслуживаетъ по своимъ успѣхамъ и поведенію“.

Сентенцію эту мы выслушали въ мрачномъ молчаніи. Минуту спустя, Де-Бриньи выступилъ впередъ и сказалъ:

— „Господинъ полковникъ, позвольте мнѣ раздѣлить участь моихъ товарищей!“

— Я не имѣю права,—отвѣчалъ Ростовцевъ—измѣнять рѣшеніе великаго князя, но доведу до свѣдѣнія его высочества о нашемъ благородномъ поступкѣ. Затѣмъ, обращаясь ко всѣмъ намъ, онъ сказалъ:

— „Вотъ, господа, до чего довели васъ неуваженіе къ закону, неповорность начальству, необузданность воли! Почтенный вашъ директоръ, убѣленный сѣдинами, отецъ семейства, безпорочно и съ честію прослужившій 40 лѣтъ, долженъ будетъ, благодаря вамъ, лишиться мѣста!“

Эти слова произвели на насъ потрясающее впечатлѣніе: въ насъ произошелъ мгновенный взрывъ состраданія, раскаянія. Не знаю, какъ это случилось, но всѣ мы внезапно, какъ одинъ человѣкъ, бросились въ генералу, окружили его, со слезами просили его прощенія, нѣкоторые даже упали предъ нимъ на колѣни, другіе цѣловали его въ грудь и плавали.

Ростовцевъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, смотрѣлъ на эту сцену.

— „Господа!“ — вдругъ закричалъ онъ — „подите ко мнѣ! а самъ такъ и плачетъ — „дайте васъ обнять!“ — и съ этими словами сталъ горячо обнимать и цѣловать cadaго изъ насъ порознь. „Вы благородные люди!“ — продолжалъ онъ — „я обо всемъ расскажу его высочеству, я буду вашимъ ходатаемъ!“

Мы со слезами благодарили этого превосходнаго человѣка, проводили его до коляски и окончили тотъ день утѣшенные, примиренные съ своею совѣстію.

Еще прошелъ мучительный день ожиданія. Мы плохо надѣялись на смягченіе суроваго приговора великаго князя Михаила Павловича, зная о его неумолимой строгости и не зная еще его добраго сердца. Съ судорожнымъ нетерпѣніемъ глядѣли мы на улицу, по которой долженъ былъ проѣхать Ростовцевъ. Наконецъ, раздались крики: ѣдетъ! ѣдетъ! и мы опять выстроились въ актовую залѣ.

Яковъ Ивановичъ вошелъ къ намъ съ сіяющимъ лицомъ и сказалъ намъ, сильно заикаясь:

— „Господа, я доложилъ великому князю о вашихъ благородныхъ чувствахъ и раскаяніи. Его высочество, тронутый ими, приказалъ мнѣ объявить полное прощеніе всѣмъ вамъ безъ различія и допустить васъ къ выпускному экзамену. Желаю вамъ выдержать его блистательно“.

Можно себѣ представить, какою восторгомъ овладѣлъ всѣми нами и какъ горячо мы снова благодарили нашего дорогаго ходатая!

До публичнаго экзамена оставалось всего нѣсколько дней; въ продолженіе всей нашей смуты мы не могли, конечно, ничѣмъ заняться и нужно было наверстать потерянное время. Но тутъ возникъ важный для насъ вопросъ: какъ быть съ сочиненіями? Обыкновенно, къ выпускному экзамену каждый представлялъ сочиненіе изъ любимаго своего предмета и мы придавали этому дѣлу особенную важность, воображая, что присутствующіе на экзаментѣ непременно будутъ читать наши научно-литературные опыты, а потому трудились надъ ними съ любовію и тщательно переписывали ихъ на велевовой бумагѣ. Понятно, что въ пережитые нами тревожные дни намъ было не до сочиненій, а потому многія изъ нихъ такъ и остались не перебѣленными, такъ что пришлось оставить ихъ подъ спудомъ. Со мною же произошла, сверхъ того, неожиданная неудача: вмѣсто сочиненія, я задумалъ представить написанный гекзаметрами переводъ большаго отрывка изъ „Превращеній“ Овидія, подъ заглавіемъ: Нимфа Каллистопа. Переводъ мой былъ предварительно исправленъ и одобренъ профессоромъ Георгіевскимъ, но представить его онъ мнѣ не разрѣшилъ, говоря: „слишкомъ соблазнительно, ну-тесть, и для чтенія высокопоставленныхъ лицъ, во время экзамена, неприлично“. Почтенный Петръ Егоровичъ былъ, можетъ быть, и правъ, но я-то остался не при чемъ!

На нашихъ выпускныхъ экзаменахъ присутствовалъ, въ качествѣ экзаменатора, Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ и, помнится, остался нами очень доволенъ. Мы удивлялись его многостороннимъ знаніямъ и обширной памяти; замѣчательно было и то, что сильно заикаясь въ обыкновенномъ разговорѣ, онъ почти освобождался отъ этого недостатка, когда дѣлалъ намъ научные вопросы.

Въ свободные между экзаменами дни начались у насъ новыя хлопоты—на этотъ разъ самыя пріятныя: къ намъ наѣхали изъ Петербурга французы-продавцы разныхъ туалетныхъ мелочей и благовонныхъ товаровъ, сапожники, портные съ предварительно изготовленными уже по нашимъ мѣркамъ платьями. Тутъ были лучшіе мастера: Оливье, Ручъ, Петерсъ и проч. Урывками примѣряли мы синіе и коричневые фраки, съ большими золотыми пуговицами и широчайшими фалдами, и другія принадлежности статскаго костюма. Все было шито въ обтяжку, сидѣло на насъ отлично, стоило очень дорого и казалось намъ очень красивымъ. Но, главное, какъ при этомъ было намъ весело!!

По окончаніи послѣдняго экзамена (23-го іюня 1838 года), прежде чѣмъ облачиться въ новое статское платье, мы всѣ, 18 товарищей, собрались въ послѣдній разъ въ аудиторію, заперли за собою двери и простились по-братски....

Потомъ, одѣвшись въ новые костюмы, простившись со всѣми, какъ начальниками, такъ и служащими въ лицей, мы переступили чрезъ порогъ его—и, ногъ подъ собою не слыша, направились къ станціи Царскосельской желѣзной дороги, только что открытой для правильнаго движенія.

Въ прелестный лѣтній вечеръ понеслись мы къ Петербургу: это было первое наше путешествіе по рельсамъ. Мы вступали въ жизнь на парахъ, стремились въ даль, не оглядываясь; мы были какъ въ чадѣ....

Чрезъ три дня всѣ мы собрались въ квартирѣ Якова Ивановича Ростовцева, чтобы еще разъ отъ всего сердца поблагодарить его за спасеніе отъ угрожавшей намъ бѣды.

А. Н. Яхонтовъ.

25-го апрѣля
1838 г.